

За дверью пространство было ярко освещено. На проходе стояли солдаты в тяжелых доспехах, оставляя лишь узкий проход. Даже принц Дунхай, который видел свою долю грандиозных сцен, был ошеломлен. Он перестал двигаться и отказался выходить из дверного проема. Он схватил Хань Жуцзы за руку и сказал: «Это не дворцовая стража».

Хань Жуцзы тоже колебался. Во время своего восхождения накануне он видел большие группы церемониальной стражи. Они находились на довольно большом расстоянии, и все, что он мог видеть, это разноцветные знамена, шлемы с перьями, доспехи и оружие, сгруппированные вместе, как море фонарей. Они были символами престижа, но не устрашали.

Стоящая перед ним группа солдат была другой. Броневые пластины агрессивно звенели, клинки и копья блестели в свете фонарей. Несмотря на то, что оружие находилось более чем в десяти шагах от него, казалось, оно вот-вот достигнет его груди. Чуть больше сотни человек, и они выглядели более свирепыми, чем тысячи церемониальных стражников.

«Они здесь, чтобы защитить Ваше Величество», — сказал Ян Фэн, сопровождая Императора к выходу.

Принц Дунхай поспешно догнал его. Он не хотел оставаться один в такое время. Он чувствовал сильное беспокойство, и его больше не заботило, слышит ли его Ян Фэн. Он сказал Хань Жуцзы: «Они из военных лагерей за пределами города. Я не знаю, Северная это или Южная армия — А! Должно быть, это Южная армия! Вдовствующая императрица отправила армию своего старшего брата! Как я и сказал...»

Солдат насчитывалось более сотни. Весь Императорский дворец превратился в военный лагерь. Весь дворец патрулировали и охраняли эскадроны солдат. Обычных евнухов и служанок нигде не было видно.

Принц Дунхай был почти парализован от страха. Ему потребовались два евнуха, чтобы поддержать его в движении вперед. Хань Жуцзы поначалу тоже был напуган, но быстро оправился. Независимо от того, что Ян Фэн имел в виду под «пора», его это не волновало. Проходя мимо, он смотрел, как на него смотрят люди. Солдаты отличались от жителей дворца — их глаза ясно отображали то, о чем они думали. Некоторые сомневались, некоторым было любопытно; некоторые были уважительны, некоторые были взволнованы.

Среди этих солдат, возможно, были и другие, подобные Лю Цзе, только у них не было возможности продемонстрировать свою лояльность. Питая такие надежды, каждый шаг Хань Жуцзы был уверенным, и он отказался от помощи евнухов.

Свита быстро направилась к покоям вдовствующей императрицы. Здесь собралось еще больше солдат, образуя слои за слоями, окружая всю территорию. Хань Жуцзы почувствовал, что ему нужно протиснуться сквозь толпу.

Во дворе выстроились солдаты. Под крышей главного входа стоял генерал, закованный в доспехи. Увидев Императора, он неуклюже опустился на колени с помощью своих солдат.

«Этот подчиненный опоздал со спасением Вашего Величества и просит прощения».

Хань Жуцзы знал, что это не его дело говорить. Действительно, Ян Фэн, который не отходил от него, громко сказал: «Встаньте, генерал. Генерал в доспехах и может выполнять военные формальности.

Генерал поблагодарил и снова поднялся с помощью своих солдат.

Когда Хань Жуцзы прошел мимо него, он узнал, что это старший брат вдовствующей императрицы, великий маршал Южной армии Шан-гуань Сюй. Догадка принца Дунхая оказалась верной — это действительно были солдаты Южной армии.

В комнате было несколько человек, но солдат не было. На центральном диване сидела Великая Супруга Шан-гуань. Хань Жуцзы также отправили сидеть на диване недалеко от неё. Цзо Цзи повел шестерых евнухов охранять дверь в восточную комнату.

Вдовствующая императрица по-прежнему не хотела появляться. Цзин Яо и десять других евнухов были разбросаны по округе; Носитель печати Лю Цзе был одним из них. У всех было суровое выражение лица.

Кроме того, на углу стояли на страже два евнуха и две служанки. Они были весьма незаметны. Когда Хань Жуцзы увидел их, он почувствовал, что вполне возможно, что это были люди того же типа, что и Мэн Э. Их сходство заключалось в том, что они почти никогда не смотрели на других людей и, казалось, всегда смотрели в никуда. Казалось, они проявляли уважение, но на самом деле они остерегались неожиданных событий.

Мэн Э нигде не было видно.

Принц Дунхай стоял рядом с Императором. Лицо его было бледно, и он не смел произнести ни слова.

Ян Фэн стоял впереди Императора. Он тоже молчал. Несмотря на то, что в комнате было много людей, все равно было непривычно тихо. По крайней мере, Шан-гуань Сюй поклонился Императору. Эти люди отказались даже от видимости формальности. Император тихо вошел и тихо сел, никто не обращал на него никакого внимания.

За комнатой всходило солнце. В комнате догорали свечи. Тихая атмосфера была окончательно нарушена, когда вошел великий маршал Шан-гуань Сюй. Он начал низко поклоняться Императору и Великой Супруге, но Цзин Яо и другой евнух поспешно поддержали его руки.

Великая супруга Шан-гуань сказала своему брату: «Генерал Шан-гуань может обойтись без формальностей».

Шан-гуань Сюй стоял неподвижно, сжав кулак. «Канцлер Инь Ухай, великий наставник Цуй Хун, главный главнокомандующий Хань Син, главный цензор правых сил Шэнь Минчжи вошли во дворец, как было приказано».

Принц Дунхай едва мог сдержать волнение. Пока дядя Цуй Хун был здесь, он ничего не боялся.

Великая Супруга кивнула, и Цзин Яо подошел к двери, чтобы объявить о входе высокопоставленных чиновников.

Канцлер Инь Ухай вошел первым. Его шаги были нетвердыми, а голова была вся в поту. Войдя, он быстро опустился на колени и ударился головой, глядя на диван. Он сказал, дрожа, «Этот чиновник заслуживает смерти! Этот чиновник заслуживает смерти!»

Остальные высокопоставленные чиновники последовали за ним и его примеру, опустившись на колени и прося.

Великая Супруга не была своей обычной нежной личностью. Выражение ее лица было холодным, и она молчала. Евнухи не разрешили высшим чиновникам подняться. Канцлер и остальные могли только стоять на коленях, не смея даже поднять голову.

Менее чем за сутки Шан-гуань Сюй перестал быть той восходящей звездой, которая дрожала от неожиданных происшествий. Он обладал военной властью и первым вошел во дворец, чтобы спасти Императора. Выражение его лица было ледяным, когда он оперся на свой меч в дверном проеме, как будто он был надзирателем четырех старших чиновников.

Не только эти немногие получили указ, приказывающий им войти во дворец. Вскоре вошли десять высокопоставленных чиновников, все преклонили колени позади канцлера. Министр кадров Фэн Цзюй по той или иной причине пришел позже остальных. Этот мужчина лет пятидесяти фактически начал плакать на глазах у всех, снимая головной убор и умоляя о суровом наказании.

Были еще двое чиновников, которые по каким-то причинам тоже почувствовали, что совершили тяжкие грехи. Раздались удары, когда они ударились головами о пол, их лбы закровоточили.

Хань Жуцзы в шоке наблюдал за этой сценой. Это было не то, чего он ожидал от столпов Императорского двора. Даже если высшие чиновники не могут быть такими храбрыми, как Лю Цзе, они должны, по крайней мере, сохранять некоторое достоинство. Но оглянувшись вокруг, он увидел только трясущиеся спины и потные головы.